

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Записки Коллегии Востоковедов, II.

Mémoires du Comité des Orientalistes.

Д. К. Петров — арабист.¹

Арабы подчинили Испанию в VIII веке. Настал период, когда эти понятия — Испания и арабы почти совпадали. Но пришел XV век и с тех пор дороги их окончательно разошлись. Если в IX веке Альваро Кордовский жаловался, что испанские юноши забыли свой язык, читают и пишут только по арабски, то в XVI веке Николаю Кленарду нужно было проехать всю Испанию до Гранады, чтобы найти хотя одного человека, знавшего хорошо по арабски. Разрыв был резок и сказался на испанской науке; позже других стран в Испании утвердилась прочно арабистика. Только к концу XIX века испанцы заняли подобающее им место в ряду европейских ориенталистов, оправившись после жестоких ударов, направленных Доуэ на испанскую национальную науку, которая недостаточно серьезно относилась к источникам.

Однако, отчуждение между Испанией и арабами продолжается: мало было в Испании арабистов, но еще меньше их было среди испанистов. Не надо приводить примеров; достаточно вспомнить самые крупные имена, как Menéndez Pelayo или Menéndez Pidal, которые говорят сами за себя.

И нашему испанисту, которого мы сегодня поминаем, надо было пройти долгий путь, чтобы дойти до арабского языка. Впечатления юности, когда случайно попавшая в руки арабская грамматика открыла, что там есть какие то странные звуки, были слишком мимолетны. Русская университетская школа не познакомила его с арабским языком; не вынес он его из заграницы, где прошел вторую школу у крупнейших романистов того времени; не подействовало даже знакомство с испанскими арабистами — талантливыми учениками Francisco Codera; — и здесь оказалось необходимым влияние того, кому так много обязано современное русское

¹ Доклад, прочитанный 2 ноября 1925 года (в полугодовой день смерти Д. К. Петрова) в объединенном заседании Яфетического Института Академии Наук, Факультета Языковедения и Материальной Культуры Ленинградского Университета и Клуба друзей греческого языка при том же Университете.

востоковедение — и не одно только востоковедение — бар. В. Р. Розена. Он был, говоря словами самого Д. К., «notre premier maître et inspirateur», это он — «nous a donné le goût des études orientales». ¹ Поздно, по обычному представлению, подошел Д. К. к арабскому языку: 33 лет он начал изучать азбуку — в то смутное время, когда Университет в 1905 г. был закрыт и, когда за невозможностью учить, как он сам говорил, он решил снова учиться.

Дело было начато поздно, но, раз оно было начато, Д. К. со свойственной ему определенностью поставил ясную цель и своими твердыми большими шагами пошел к ней. Основательно, как школьник, он штудировал грамматику у бар. Розена; с ним вместе прошел неизбежную для испанского арабиста хрестоматию Lerchundi у Simonet. Систематичность его в занятиях была достойна удивления. Ни одного дня он старался не пропустить без того, чтобы не заглянуть в арабскую книгу; даже в путешествиях она оставалась его постоянным спутником. В 1907 году на летний семестр он едет в Тюбинген, чтобы заняться у проф. Seybold'a, единственного в Германии арабиста знатока Cosas de España. Оттуда он возвращается уже с идеей о труде, который оказался его основной работой в этой области — об издании трактата De amoge испанско-арабского писателя XI века Ибн-Хазма. В. Р. Розен не вполне был доволен таким быстрым решением, находя, что молодому испанисту прежде всего следовало бы направить свое внимание не на издание текста, который не всегда под силу и арабистам по профессии, а на привлечение и переработку уже изданных арабских источников для университетских курсов по истории Испании. Однако, настойчивость превозмогла все трудности. Барона В. Р. Розена в начале 1908 года не стало, но Д. К. продолжал свои занятия у акад. П. К. Кокковцова, и когда я вернулся с востока в 1910 году, он был уже в разгаре своей арабистической работы, и как преподаватель, и как исследователь. Сочетание испаниста и арабиста не замедлило сказаться в его университетских курсах. С одной стороны, он старался внушить своим молодым ученикам ту же любовь к арабскому языку, которой пылал сам, и с этой целью часто вел занятия по элементарному курсу арабского языка, где обычно фигурировала все та же хрестоматия Lerchundi у Simonet; с другой стороны, темы его лекций теперь нередко основываются на параллельном изучении европейских и арабских источников. Особенно он любил возвращаться к эпохе завоевания Испании арабами и связанным с этим периодом леген-

¹ Abû-Muhammed-Ali-ibn-Hazm al-Andalusi. *Tauḡ-al-ḥamâma* publié d'après l'unique manuscrit de la Bibliothèque de l'Université de Leide par D. K. Petrof. St.-Petersbourg — Leide, 1914, стр. V.

дам, которые дают такой благодарный сравнительный материал. Нужно сказать, что для молодых романистов эти темы часто продолжали казаться непривычными и экзотическими. Один год, курс завоевания Испании арабами, начатый при довольно обширной аудитории, закончился при двух слушателях: одним был я — тогда приват-доцент Университета, другим — молодой магистрант Истории Востока, теперь профессор Львовского Университета С. Смогоржевский.

Не смущаясь такими мелкими неудачами в своих начинаниях, неустанно работал эти годы Д. К. и над второй задачей — подготовкой критического издания Ибн-Хазма. Эта работа еще ближе свела его с рядом арабистов — особенно с мадридским профессором Julian Ribera, наиболее талантливым из всех здравствующих учеников Fr. Codera, и современным главой исламоведения проф. Spouck - Hurgroņje, который не мало облегчил работу Д. К. Петрова во время пребывания его в Лейдене. В своем издании Д. К. с большой скрупулезностью оговорил даже в мелочах всю помощь, которой он обязан своим друзьям. Увидело свет издание в трудную годину: оно было выпущено в 1914 году, уже после начала войны, в Лейдене и экземпляры долго не могли дойти до Ленинграда. В Европе работа к счастью быстро нашла себе отклик: уже в 1915 году ей была посвящена обширная рецензия-исследование покойным венгерским исламоведом Ign. Goldziher'ом;¹ статья об Ибн-Хазме в международной Энциклопедии Ислама, напечатанная в 1918 году,² показывает, насколько вошло в обиход европейской науки новое издание.³

Задача, стоявшая перед Д. К. при этом издании, была нелегка и не даром его предостерегал В. Р. Розен. Предстояло установить критический текст по одной рукописи, хотя и удовлетворительной в общем, но не всегда хорошо сохранившейся; прозаический трактат испещрен поэтическими цитатами, а так как стихи в большинстве случаев принадлежат самому автору Ибн-Хазму, то издатель не имел возможности пользоваться параллельными источниками, которые значительно помогают в аналогичных случаях. В работе над этим текстом Д. К. имел таких славных предшественников, как Dozy и Pons у Voignes, но труд его оказался вполне достойным того, что было сделано до него.

Разница в подходе у испаниста и арабистов, однако, была. Ибн-Хазм интересовал Д. К. конечно не как известный философ или богослов, историк

¹ ZDMG — LXIX, 1915, 192 — 207.

² С. van Arendonk, Ibn Hazm (Enzyklopaedie des Islam, II, стр. 407 — 410).

³ Ср. еще переводы из Ибн-Хазма, данные по этому изданию E. Wiedemann'ом в его Beiträge zur Geschichte der Naturwissenschaften — XLII, Erlangen, 1915, стр. 93—97.

или моралист, которым он является. Его привлекало то, что мировоззрение Ибн-Хазма и его взгляды «rappellent bien des fois les penseurs et les poètes de la Renaissance» (стр. X) и что при чтении его «nous nous souvenons de l'auteur de la «Vita nuova» (XIX). Поэзия трубадуров и особенно их теория любви — вот что может найти освещение при помощи этой книги (стр. XXXVII), вообще целиком «le beau problème des relations et des influences réciproques de l'Islam espagnol et de la civilisation catholique du Moyen Age» (стр. XXXVIII). Желание послужить решению этой проблемы и вызвало его работу над изданием (*ibid.*). Однако этому послужило не только самое издание, но и то обширное введение, которое он предпослал своей книге (стр. VII—XXXVIII). С легкостью и изяществом, свойственным работам его и его учеников, Д. К. дал анализ содержания и всех связанных с ним вопросов, искусно выделяя те пункты, которые могут представить интерес для поставленной им проблемы. В руки исследователей был дан таким образом не только текст, но и ключ к нему, для тех, кто не владеет арабским языком. В своей работе над Ибн-Хазмом Д. К. шел еще дальше и подготавливал русский перевод, который, к сожалению, остался неоконченным.

В последние годы Д. К. мог с удовлетворением видеть, что эта «problème des relations et des influences réciproques», значительно подвинулась к своему решению, главным образом благодаря трудам ученых близкой его сердцу Испании.¹ Как и большинство романистов, впрочем, он не считал известную тезу Asín Palacios о зависимости Божественной Комедии от мусульманских источников достаточно убедительной,² но с тем большим ударением подчеркивал значение истории судей ал-Хушанй, изданной Риберой.³

К этой самой проблеме о соотношениях и воздействиях он вернулся еще раз, работая над анализом большого произведения из того-же испанско-арабского цикла. В 1920 году вышел русский перевод известной философской новеллы Ибн-Туфейля — Хай-ибн-Якзъан, исполненный молодым арабистом И. П. Кузьминым.⁴ Перевод был не первым, появляющимся на европейских языках. Работа над сравнительной оценкой трех наиболее

¹ Главная заслуга принадлежит здесь тому же Julian Ribera (особенно в работах *Huellas de una poesia epica romanceada en los siglos IX y X*, Madrid, 1915; *La musica de las cantigas de Santa Maria. Estudio sobre su origen y naturaleza*, Madrid, 1922; *La musica andaluza medieval en las canciones de trovadores, troveros y minnesinger*, I—II, Madrid, 1923-1924).

² См. *La Escatologia musulmana en «La Divina Comedia»* (Historia y critica de una polemica) por Miguel Asín Palacios. Madrid, 1924.

³ *Historia de los jueces de Cordoba por Al Joxani. Testo arabo y traduccion española por Julian Ribera*. Madrid, 1914 (Восток № 3, 1923, стр. 201—202).

⁴ Ибн Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана. Перевод Ив. Кузьмина под редакцией И. Ю. Крачковского. Петербург, 1920. Издат. «Всемирная Литература».

распространенных переводов — испанского, французского и русского завлекла Д. К. Петрова в новое рассмотрение проблемы о влиянии этого произведения Ибн-Туфейля на известный El Criticon Балтазара Грасиана. Под анализом Menéndez Pelayo 25 лет тому назад решение проблемы склонялось в положительную сторону.¹ Д. К. Петров показал, что и здесь обращение к тексту требует большой осторожности. Его вывод в противоположность мнению испанского ученого и с большой основательностью говорит об отсутствии здесь непосредственного влияния.²

Третья фигура влекла Д. К. Петрова к изучению в аспекте все той же проблемы связей и влияний двух культур — фигура известного арабско-испанского поэта XII века Ибн-Козмана, поэта на народном диалекте. Некоторые общие линии намечены здесь J. Ribera в речи в 1912 году,³ но текст поэта попрежнему остается неизданным и не исследованным в полном масштабе.⁴ Последние годы Д. К. Петров исподволь начал изучение рукописи уника Азиатского Музея; трудности предстояли здесь еще большие, чем с текстом Ибн-Хазма, но быть может систематичность и настойчивость и здесь побороли бы препятствия, если бы обстоятельства, в которых работа была начата, не были столь неблагоприятны.

Внутренняя закулисная работа в области арабистики продолжалась у Д. К. Петрова неустанно до последних лет. Его любимым чтением был объемистый историк Андалусии ал-Маққарӣ, в котором страница за страницей с обычной систематичностью он штудировал уже четвертый том, заполняя листки заметками, выписками и цитатами. Выступать печатно по арабистическим темам последние годы ему приходилось мало. Скорее как историк всеобщей литературы он оценил очерки «Литературы востока» (изд. Всемирной Литературы), показав всю широту своей начитанности и интереса к самым отдаленным областям;⁵ в этом же аспекте он дал оценку «Китайской поэмы о поэте».⁶ Цикл публичных лекций о поэзии различных народов востока, организованных Институтом Истории Искусств весной 1923 года, дал ему повод выступить с чтением на тему: «В чем прелесть поэзии Востока» (28 апреля 1923 года). Здесь он формулировал свою собственную теорию восприятия поэзии и дал сводный разбор и оценку всех

¹ В предисловии к работе D. Francisco Pons, El Filósofo Autodidacto de Aben Tofail (Zaragoza, 1900).

² Доклад об этом был прочитан Д. К. Петровым в Коллегии Востоковедов и напечатан в настоящем томе Записок (стр. 73—90).

³ D. K. Pétrof, op. cit XXIV, n. 4.

⁴ Ср. C. Seybold, Ibn Kozmān (Enzyklopaedie des Islam II, 1918, 423 — 424).

⁵ Восток № 3, 1923, стр. 169 — 170.

⁶ Историческая поэтика и ставсы Сыкун Ту, Восток № 2, 1923, стр. 141 — 143.

русских работ последнего десятилетия по восточным литературам. Лекция была потом переработана в статью «Наша поэтическая культура и восток (мысли о поэтике востока)», но света не увидела.¹

Оставаясь, как достойный ученик А. Н. Веселовского, историком всеобщей литературы, одновременно он становился все более широким и разносторонним ориенталистом. Как испанист, он подошел к арабскому языку, но сила открывшейся перед его взорами культуры и литературы оказалась настолько мощной, что он незаметно для себя стал арабистом. Арабская литература невольно влекла дальше к сопредельным областям, очарованию которых он не мог не поддаваться и как историк всеобщей литературы. Он принимается за изучение персидского языка и скоро мы видим его ревностным участником собраний кружка любителей Шах Наме, который группировался около Академии Наук. Шах Наме влечет его к себе неизменно — соперника Фирдауси он видит только в Гомере. «Ни «Chanson de Roland», ни «Aliscans», ни «Contar del mio Cid», ни Нибелунги даже издали не могут сравниться с восхитительной книгой о царях»² — вот его собственные слова, а они много значат в устах ученого, по основной специальности романиста. Это увлечение Шах Наме нашло свое отражение и в печати: одной из последних работ Д. К. Петрова явилась статья «Забывтая поэма о Фирдауси»,³ которую он посвятил мало известному произведению немецкого ученого и поэта О. Ф. Гирре. Обусловленная определенным размером, статья носит характер конспекта и чувствуется, что автор не может вместить в четыре уделенные ему странички то богатство материала, которое у него накопилось по этому вопросу. В статье дано общее освещение легенды о Фирдауси, установлены источники поэмы Гирре и характер разработки им легендарного сюжета. И здесь сказываются все преимущества объединения в одном лице историка всеобщей литературы и филолога-востоковеда; чувствуется, что став арабистом, Д. К. Петров с таким же правом мог бы стать иранистом, если бы его занятия направились определенно в эту область.

Соперником его увлечения персидским языком и литературой явилась в последние годы яфетидология: и в этой области, оставаясь верным себе, он хотел дойти до истоков и принялся за изучение грузинского языка. И тут им достигнуто многое, но эта сфера уже выходит за пределы моего зрения и деятельность Д. К. Петрова в ней лучше очертит другой.

¹ Она была прочитана в Заседании Восточного Отделения Русского Археологического Общества 30 августа 1923 г.

² Восток, № 3, 1923, стр. 170.

³ ДАН — В, 1924, 75 — 78.

Все таки арабистика осталась областью, к которой преимущественно устремлялся его взор; в ней он находил удовлетворение не только как ученый, но и поэт, уделяя свои досуги стихотворным переводам памятников арабской поэзии.¹ В печатном виде из таких опытов появился только один;² на его докладах и сообщениях нередко приходилось слышать и другие: вероятно, еще больше их хранят записные книжки.

Заканчивая свою первую и основную работу по арабистике, Д. К. Петров просил извинить романиста, который осмелился предложить ученым целиком изданный им арабский текст.³ Подводя итог его деятельности в этой области, легко видеть, что и тогда уже он был не только романистом, но и арабистом. Двадцать лет продолжалась его деятельность, как арабиста. Срок в жизни зрелого ученого не малый, но уже на девятом году этой работы Д. К. Петров оказался отрезанным от той страны, ради которой начал занятия арабским языком. Это не могло не отразиться на дальнейшем ходе его студий; он конечно не опустил руки и продолжал работать, но невольно чувствовал себя находящимся в полной изоляции. До самой смерти ему не удалось восстановить прежней связи с испанскими коллегами.

Между тем картина испано-арабских студий в Европе теперь уже не такова, какой она была четверть века тому-назад. В самой Испании они стали на твердую почву: имена работающих преимущественно в этой области Julian Ribera и Asín Palacios с честью занимают место в первом ряду европейских арабистов. Из их школы вышел уже не один ученый и едва ли теперь справедлив упрек Asín Palacios, что в Европе не хотят знать испанских работ.⁴ Отзывы немецких ученых говорят другое;⁵ перевод труда Asín'a о Божественной Комедии на английский и французский язык не менее показателен. Испано-арабские студии находят себе адептов не только в крупных центрах: даже в маленькой Финляндии мы видим ученого, который, подобно Д. К. Петрову составив уже себе достойное имя как романист, не побоялся перейти и к арабским источникам.⁶

¹ Не всем ученым известен сборник оригинальных стихотворений Д. К. Петрова, изданный им в 1911 году: «Д. К. П. Элегии и песни (1889 — 1911), С. Петербург, типолитография А. Э. Винке. 1911. 8° VI + 137».

² Перевод стихотворения о книгах Ахмеда Ибн Ризы из Малаги (XI в.) — Похвала книге, частное издание И. А. Шляпкина, Петроград, 1917, стр. 87.

³ D. K. Petrof, op. cit., стр. XXXVIII.

⁴ Op. cit. 101.

⁵ См. например, анализ работ Ribera, принадлежащий W. Mullert'y в Der Islam XIII, 1923, 170-177.

⁶ Имею в виду O. J. Tallgren'a, исследующего вопрос об арабской терминологии у Альфонса Мудрого. Ср. его статью Sur l'Astronomie espagnole d'Alphonse X et son modèle arabe (Studia Orientalia I, 1925, Helsingfors, 342-346).

Хотелось бы думать, что и у нас рано или поздно эта область опять найдет своего энтузиаста из той же среды. И этот продолжатель работы пионера, вспоминая романиста Д. К. Петрова, помянет его и как арабиста «не злым тихим словом».

И. Крачковский.

10 октября 1925 г.